

ЖАНР ДУМЫ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

Lucjan Suchanek (Kraków)

В изданной в 1587 году хронике С. Сарницкого "Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum libri octo" находится информация о гибели братьев Стусов в битве с валахами (1571), и автор замечает, что о них "etiam nunc elegiae, quas dumas Russi vocant, canuntur".¹ О казачьих думах и плачах (польский lament) упоминают также другие польские писатели XVI и XVII столетий (В. Папроцки, Моритын).

Думам: назывались произведения, принадлежкие к эпико-лирическому жанру украинского фольклора, исполнявшиеся речитативом (мелодической декламацией) в сопровождении кобзы, бандуры, возникшие и развивавшиеся в XV-XVII веках (записи текстов относятся к XIV столетию).

В старопольской литературе термин дума применяется в широком значении - песня и более узком - песня о скончавшемся рыцаре (рыцарский плач - lament rycerski). Древнейшие упоминания такого рода произведений о реально существовавших лицах относятся к XV веку (хроника Яна Длугоша), тексты - к XVI и XVII столетиям².

На рубеже XVIII и XIX веков возникает два типа думы - эпическая и лирическая. Влияние сентиментализма проявилось в них в том, что ценность думы, в отличие от классицизма, заключается не в пафосе трагизма человеческой судьбы, а в живом сочувствии и элегической меланхолии раздумий о мире и его законах³. В развитии жанра думы важную роль сыграли "Песни Оссияна",⁴ английские баллады⁵ и испанские романсы.

Лирическая дума, которую до 1815 года называли dumanie (раздумья) представляла собой элегический монолог, заключающий размышления о смерти героя, раздумья у могилы или на руинах. Со временем этот жанр стал терять свои генеологические признаки и растворился в элегии.

Эпическая (эпико-лирическая) дума⁶ имела три разновидности: любовную думу (duma tkliwych wzruszen - дума чувствительных волнений, по определению Ч. Згожельского), думу ужасов и историческую думу (spiew historyczny).

Из всех видов польской предромантической думы нас наиболее интересует историческая дума. Этим термином определяли произведения, которые прославляли исторических героев или рассказывали о важном событии из национальной истории. Они были насыщены патриотическим чувством и имели дидактическую тенденцию⁸. Создателем этого жанра был известный поэт К. Немцевич, который в 1789 г. издал думу "Dumy polskie" (Польские думы), содержащие два текста: "Дума о Стефане Жулковском" и "Дума о Стефане Потоцком." В 1803 году поэт опубликовал "Думу о князе Михаиле Глинском." В годы 1808-1810 Немцевич продолжал работу над произведениями о важных деятелях польской истории (короли, рыцари, полководцы) и фактах национального прошлого. В 1816 году поэт выпустил сборник, состоявший из 32 произведе-

ний и озаглавленный "Śpiewy historyczne".

Немцевич так говорил о цели своих произведений: "Вспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти - есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подовать не в силах; они усилятся с годами, приготавливая урабрых для войны ратников и мужей трудолюбивых для совета"⁹.

Успех, каким пользовался сборник стихотворений Немцевича, вызвал многочисленные подражания, и вскоре появились произведения К. Бродзинского, Ф. Венжика, Т. Заборовского и ряда второстепенных поэтов. Эта разновидность думы не исчезает и в дальнейшем, о ее живучести свидетельствуют произведения таких польских поэтов, как Ю. Словацкий (Дума о Вацлаве Жевуском), А. Чайковский (Смерть Стефана Чарнецкого).

X

X

X

В польской литературе роль предромантической думы в историко-литературном процессе сводится к подготовке почвы для романтической баллады. Подготовка эта понимается нами как ознакомление читателя с моделью жанра, сформулирование так называемого горизонта ожиданий, позволяющего разубавлять жанр. Являясь традицией, предромантическая дума стала контекстом для дальнейшего развития жанра. Как пишет Я. Славиский, "традиция дана творцам и читательской публике как сумма произведений прошлого и как более или менее систематизированный реестр норм"¹⁰.

Традиция составляет контекст не только для отдельного произведения, но также для жанра, причем каждое новое произведение относится двойко к существующим до сих пор реализациям; является их продолжением или новой генеалогической моделью.¹¹ И так, мы различаем два типа развития жанра - эволюционное и стадияльное. О стадияльном развитии мы говорим тогда, когда мы имеем дело с суммой отдельных моделей жанра, свободно между собою связанных, причем бывает и так, что единственным соединяющим элементом остается генеалогическое наименование.

Между жанровыми реализациями из двух соседних фазисов развития может существовать большое или незначительное сходство: существуют различные генотипы, генотип же остается один.¹² Надо, однако, учитывать факт, что генотип, понимаемый как сверхиндивидуальный литературный код, относится к небольшому количеству признаков, и по тому диахронические исследования имеют основное значение для реконструкции жанровой модели.

X

X

X

Кондратий Рылеев в течение 1821-1823 годов работал над циклом произведений, которые он печатал сперва в журналах, а в марте 1825 года выпустил отдельным сборником, включавшим 21 текст. Сборнику было предпослано предисловие автора, в ко-

тором, сообщая о цикле произведений Немцева "Śpiewy historyczne," Рылеев писал:

"Цель моя та же самая - то есть распространить между простым народом нашим, посредством дум сих, хотя некоторые познания о значительных деяниях предков, заставит его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя, когда хоть несколько успею в своем предмете; еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобряют мое намерение - пролить в народ наш хоть каплю света".¹³

Сборник вызвал большой интерес читателей и критики и оживленную полемику вокруг проблемы жанра произведений. Она показывает, что был нарушен горизонт ожиданий и что стихотворения Рылеева не соотносились с существующими у адресата моделями жанров.

Как было сказано выше, в польской литературе предромантическая дума как жанр соотносилась с традицией и имела свой контекст. В русской литературе жанр думы не существовал, не было ни одного произведения с таким генологическим определением. В конце XVIII и в начале XIX столетий в русской литературе (главным образом в журналистике) появилось несколько произведений, которые входят в историю жанра баллады: "Флор" и Лиза Я. Княжнина (1778), "Раиса" Н. Карамзина (1791), "Быль" И. Дмитриева (1791), "Граф Гваринос" Н. Карамзина (1791), "Карикатура" И. Дмитриева (1792), "Алина" Н. Карамзина (1792), "Песня норвежского витязя" Гаральда Храброго Н. Львова (1793), "Милон", а также "Лаура и Сельмар" А. Мерзлякова (1798), "Ночь в чухонской избе на пустыре" Н. Львова (1797), "Песнь храброго шведского рыцаря Гаральда" И. Богдановича (1809), "Болеслав, король польский" М. Муравьева (1810). Среди них можно выделить любовную, рыцарскую и фантастическую баллады.¹⁴

К названным выше произведениям можно применить определение дума. Однако они не составляют контекста для рылеевских дум, так как между ними нет никакой генетической связи. Эти тексты являются самостоятельной стадией в развитии русской баллады. Тем самым они не могли послужить Рылееву моделью жанра, ибо даже рыцарская баллада (дума) не заключала в себе тех элементов, какие использовал поэт-декабрист. Прав Б. Гальстер, когда говорит, что дума была безусловно новым жанром в русской литературе.¹⁵

Следуя совету Н. Гнедича, Рылеев старался найти контекст для своих произведений. В предисловии к сборнику 1825 года поэт писал: "Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас."¹⁶ Эту мысль подхватил и расширил А. Бестужев: "Дума есть общее достояние племен славянских. Русские песни о Владимире, о Добрыне и других богатырях, о взятии Казани; у малороссиян о Мазепе, о Хмельницком, о Сагайдачном; у богемцев вся "Краледворская рукопись"; да и самая песня о походе Игоря не есть ли дума? /.../. В польской словесности дума не составляет особого рода: поляки сливают ее с элегиею."¹⁷

Иное мнение высказал в "Русском инвалиде" критик, подписавшийся инициалом К (В.И. Козлов): "Дума есть особый род поэзии, взятый из польской литературы и который требует своей теории."¹⁸

Связь рылеевских дум с украинскими думами критики подчер-

живают, исходя из указания на это родство в предисловии автора к сборнику 1825 года. Рылеев воспользовался в нем мнением Немцевича, который, говоря о генеологическом генезисе своих произведений, также указывал на украинский фольклор. Слова Рылеева были, однако, лишь чистой декларацией, целью которой было показать народный источник его произведений, столь важный в эпоху, когда фольклоризация литературы и инспирирующая функция народного творчества были одним из основных принципов романтической эстетики. В самом деле, в думах не обнаруживаем связи с фольклором.

Характеризуя жанр рылеевских дум, следует исходить из положений исторической поэтики и социологии литературы (теория восприятия). Нужно посмотреть на них с точки зрения системы литературных жанров, понимаемой как коррелят коллективных привычек, вкусов и идейно-эстетических потребностей. Немецкий исследователь Х. Яусс ввел в литературоведение термин горизонт ожиданий, под которым он подразумевает встречаемые произведением нормы - генеологические, стилистические, тематические, сформулированные в нормативных поэтиках или абстрагированные из ранее существовавших текстов.¹⁹ Так понимаемый горизонт ожиданий Х. Маркевич предлагает назвать "горизонтом литературного опит".²⁰ Другой польский ученый, Р. Хандтке, вводит термин "горизонт узнавания".²¹

Принимая во внимание факт стратификации литературной публики, нужно констатировать, что она не составляет единого, неразделимого целого и ее различные слои находятся в разных горизонтах ожиданий. Это касается как целых групп, так и отдельных индивидов.

А. Бестужев в статье "Взгляд на старую и новую словесность в России" написал: "Рылеев-сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков".²² Как из этого следует, в перцепции Бестужева дума ассоциировалась с историческим гимном. Иначе воспринял произведения Рылеева критик "Русского инвалида", В. Козлов: "Дума не есть исторический гимн и не всегда служит к прославлению подвигов и доблестей предков. Гимны - суть похвальные, торжественные песни; а в думах излагаются уединенные размышления исторических лиц, тайные их намерения, борения противоположных страстей, угрызения совести и нередко такие чувства, кои не имеют в себе ничего ни торжественного, ни похвального".²³

Еще иначе воспринял Думы Ф. Булгарин, который определил их как жанр промежуточный между элегией и героидой.²⁴ С этой точкой зрения полемизировал П. Вяземский, замечая: "По содержанию своему они относятся к роду повествовательному, а по формам своим к лирическому. Что может быть в них общего с элегией, известною нам по образцам, оставленным Тибуллом и новейшими поэтами, или с героидой Овидия и многих французских поэтов, отличавшимися по следам его".²⁵

Приведем еще высказывание П. Плетнева: "Его так называемые думы содержат лирически рассказ какого-нибудь события. Не восходя до оды, которая больше требует восторга чувствования и быстроты изложения, они отличаются благородною простотою истины и поэзию самого происшествия. Чистый и легкий язык, наставительные истины, прекрасные чувствования, картины природы - вот что удолетворяет в них любопытному вкусу".²⁶

До появления произведений Рылеева дума как жанр не существовала в генеологическом репертуаре русской поэзии, пособия по поэтике не содержали соответствующей статьи. Поэтому вполне естественным является факт, что говоря о генеологических признаках думы, критики ориентировались на те жанры, которые, по их мнению, могли некоторыми своими чертами ассоциироваться с думами. Как было указано ранее, как жанры близкие к думе назывались исторический гимн, героида, элегия и ода. Это были, однако, автономные жанры, и нет оснований утверждать, что дума впитала в себя их элементы, становясь, таким образом, гетерогенным жанром. Дума в реализации Рылеева имела свои отчетливые генеологические признаки, такие как в произведениях Немцевича. Рылеев знал думы польского поэта и адаптировал для русской литературы этот жанр, ту его разновидность, которую составляли произведения на "исторические и национальные темы в виде раздумий, воспоминаний или псен, заключенных в эпическую драму авторской реляции".²⁷

Сборник Рылеева имел успех, и след за ним другие поэты стали создавать исторические произведения²⁸, но они не достигли художественного уровня дум автора "Войнарского".

X

X

X

А. Квятковский в "Поэтическом словаре", в статье "Думы", пишет: "Поэтический жанр в русской литературе, не получивший, однако, большого развития," - размышления поэта на философско-социальные темы. Таковы, например, "Думы" Рылеева - цикл философско-патриотических поэм и стихотворений /.../ Таковы философско-лирические "Думы" А. Кольцова и "Дума" М. Лермонтова".²⁹ Квятковский допускает здесь генеологическую ошибку, так как в русской поэзии дума-это термин-омним, которым обозначаются два различных жанра. Он применяется к эпическим (эпико-лирическим) произведением Рылеева и к лирическим стихотворениям, авторами которых были А. Кольцов, М. Лермонтов, К. Павлова и некоторые другие поэты эпохи романтизма. В настоящем тексте мы не выходим за рамки этого направления и не анализируем поздних стихов А. Фета ("Смерть", 1879; "Ничтожество", 1880; "Добро и зло", 1884), которые могут рассматриваться как другая стадия в развитии жанра.

Внешним сигналом, позволяющим идентифицировать думу как лирический жанр, является генеологическое наименование, выступающее в заглавии или подзаголовке. Этот первый фактор распознаваемости жанра подсказывает читателю, чего он должен ожидать от текста, определяемого как дума. Автор настоящего исследования оставляет в стороне вопрос о генеологическом характере таких произведений, как, например, "Выхожу один я на дорогу" Лермонтова, которые формально, посредством заглавия или подзаголовка, не были автором причислены к думам.

Термин дума указывает на вид лирики, на принадлежность к рефлексивно-медитативной поэзии как форме самоанализа или мыслительной рефлексии.³⁰ Основным конститутивным фактором жанра является размышление, медитация. Это поэтическое качество сближает думу с элегией как формой спекулятивной, умозрительной поэзии. Как замечает К. Григорьян, в творчестве Лер-

монтова "элегия и дума соприкасаются настолько тесно, что трудно провести твердые рубежи между этими двумя родственными жанрами".³¹ Связь элегии с думой заметна также в произведениях Е. Баратынского. Философские элегии позднего этапа творчества этого поэта (сборник "Сумерки") благодаря их медитативному характеру близки лирической думе.³²

Дума как лирический жанр характеризуется невысокой степенью нормативности, и в ее дефиниции трудно точно определить обязательные и возможные элементы. Генологический облик думы определяет лирический субъект как личность, передающую размышления. Лирический субъект - это индивидуализированная литературная конструкция, однако, исходя из познавательных функций жанра, можно говорить об определенном типе лирического "я" в думе. Это личность, высказывание которой имеет форму монолога, построенного, как правило, по принципу дискурсивного мышления, не исключающего, однако, наличия образного элемента.

Индуктивный метод анализа позволяет выделить в думах три основные тематические сферы размышлений: религиозно-философскую (Кольцов), гражданско-социальную (Лермонтов)³³ и психологическую (Павлова). Думы, как правило, затрагивают существенные экзистенциальные и социологические проблемы, выдвигают общие, сверхиндивидуальные темы, но в это же время в них могут звучать личные ноты, относящиеся непосредственно к лирическому субъекту, поэтому мы можем выделить думы-самоисследования, в которых лирическое "я" является не только субъектом, но и объектом познания, в которых автор ищет ответ на волнующие его вопросы в самом себе.

Анализ дум эпохи романтизма показывает, что поэтов интересовали следующие проблемы: ксэмос, мир, человек, вера, жизнь духа и жизнь тела, смерть, время, тайна, мысль, истина, молитва, поэт, творчество (Кольцов), одиночество, тоска, воспоминание, холодность души, отречение, равнодушие, пессимизм (Павлова), поэт, общество. Некоторые из этих тем и проблем были характерны также для медитативной элегии (человек и время, человек и законы смерти, человек и судьба), однако эти два жанра отличаются тональностью.

Иногда, на что уже указывалось, трудно провести границу между думой и элегией. Разграничение этих близких жанров невозможно без всестороннего - на уровне парадигматики, семантики и синтактики - анализа всех текстов, который позволит создать адекватную дефиницию как думы, так и элегии.

Примечания

- 1 Цит. по: Jakóbiec, M., Hołyńska-Baranowa, T.: Literatura ukraińska. Wypisy. Warszawa 1952, 15.
- 2 Nadobna pieśń o zacnym książęciu Samuelu Koreckim, Pieśń o Chmielnickim, dzielnym a nieśmiertelnej pamięci godnym mężu. См.: Szczerbicka-Słęk, L.: Дума старопольска. Z dziejów poezji melicznej. Wrocław 1964 - на стр. 9-18 находится список старопольских дум. См. также: Ziżyński, O.: Dawna дума ukraińska i polska w świetle danych historycznych. - "Slavia Orientalis", 1973, Nr. 4, 439-450.

- 3 Opascki, I., Zgorzelski, Cz.: Ballada. Wrocław 1970, 88.
- 4 Песни Оссиана Ч. Красицки называл думами.
- 5 Несколько английских баллад присвоил польской литературе Ю. Немцевич (Alondzo i Helena, Edwin i Aniela).
Witkowska, A.: Literatura romantyczna. Warszawa 1986, 28.
- 6 Первый этап в развитии этого вида думы продолжается до 1808 года, второй начинается в 1816, а его кульминационный пункт приходится на годы 1818-1821. См.: Zgorzelski, Cz.: Duma poprzedniczka ballady. Toruń 1949, 74.
Смотри также библиографический список дум на стр. 291-300.
- 7 Немного позднее, около 1818 года, появляется новый вид думы - народная дума (З. Доленга-Ходаковски, К. Бродзински).
- 8 Głow iński, M., Kostkiewiczowa, T., Okopień-Sławińska, A., Sławiński, J.: Słownik terminów literackich. Wrocław 1976, 445.
- 9 Русский текст цитирую по: Рылеев, К.: Полное собрание стихотворений. Ленинград 1971, 418.
- 10 Sławiński, J.: Synchronia i diachronia w procesie historyczno-literackim. В кн.: Problemy teorii literatury. Seria 2. Wrocław 1976, 283-284
- 11 Суханек, Л.: Контексты развития жанра. О генезисе русской романтической баллады. В кн.: Wokół badan nauczania literatury rosyjskiej. Над исследованиями и обучением русской литературе. Warszawa 1986, 70.
- 12 Понятиями фенотип и генотип применительно к литературному жанру пользуется Славинский в работе Synchronia i diachronia w procesie historycznoliterackim, указ. соч., 284.
- 13 Рылеев, К.: указ. соч., 419.
- 14 Suchanek, L.: U źródeł ballady romantycznej. Ze studiów nad poezją rosyjską XVIII wieku - "Slavia Orientalis", 1972, Nr. 1.
- 15 Galster, B.: Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki. Wrocław 1962, 69.
- 16 Рылеев, К.: указ. соч., 105.
- 17 "Сын Отечества", 1823, Но. 4, 183-184.
- 18 "Русский инвалид", 1823, Но. 4, 6 января.
- 19 Jauss, H. R.: Literaturgeschichte als Provokation. Frankfurt a/M. 1970.
- 20 Markiewicz, N.: Wymiary dzieła literackiego, Kraków 1984, 231.
- 21 Handtke, R.: Kategoria horyzontu oczekiwania odbiorcy a wartościowanie dzieł literackich. В кн.: Problemy odbioru i odbiorcy. Wrocław 1977.
- 22 Цит. по: "Полярная звезда", изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Москва 1960, 23.
- 23 "Русский инвалид", указ. соч.
- 24 "Северный архив" 1823, Но. 5, 422.
- 25 "Новости литературы", 1823, Но. 2, 91.
- 26 "Северные цветы на 1825 год". СПб. 1825, 55-56.
- 27 Zgorzelski, Cz.: указ. соч. 37.
- 28 Маслов, В.: Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев 1912, 245.
- 29 Квятковский, А.: Поэтический словарь. Москва 1966, 107-108.
- 30 Ср.: Поспелов, Г.: Лирика. Москва 1976, 64.
- 31 История русской поэзии в двух томах. Т. 1. Ленинград 1968, 526.

- 32 См.: Suchanek, L.: Poezja liryczna Eugeniusza Boratyńskiego. Kraków 1977, 128.
- 33 Генологическая принадлежность Думы Лермонтова вызывает споры. В. Белинский назвал произведение Лермонтова сатирой, Б. Эйхенбаум считает его элегией. Его определяют также как элегию-сатиру или сочетание элегии с инвективой. См.: Фришман, Л.: Жизнь лирического жанра. Москва 1973, 132.